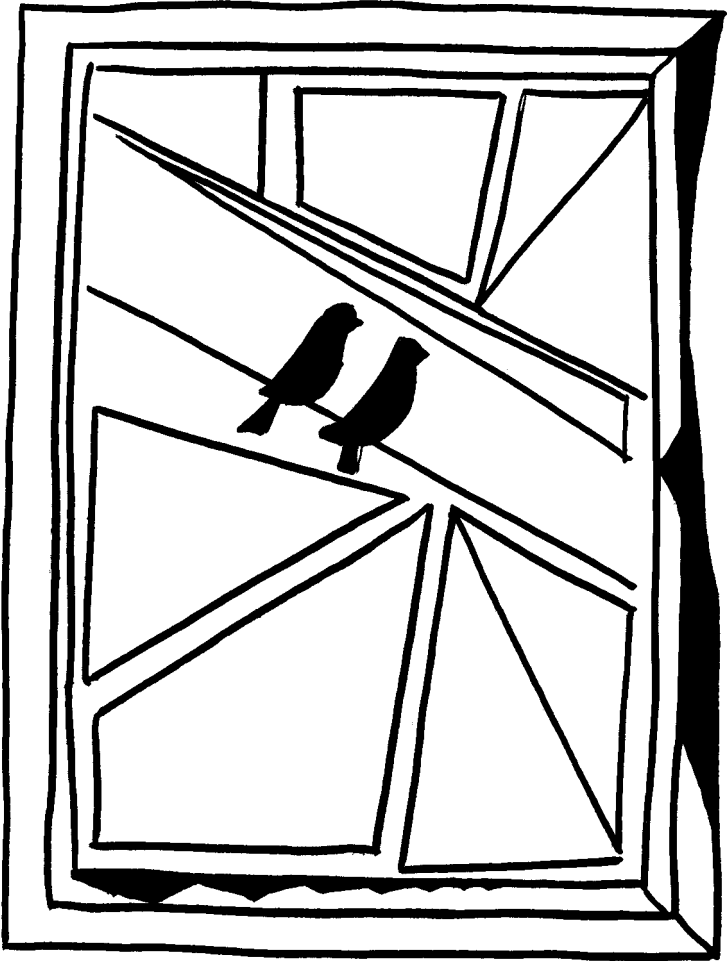
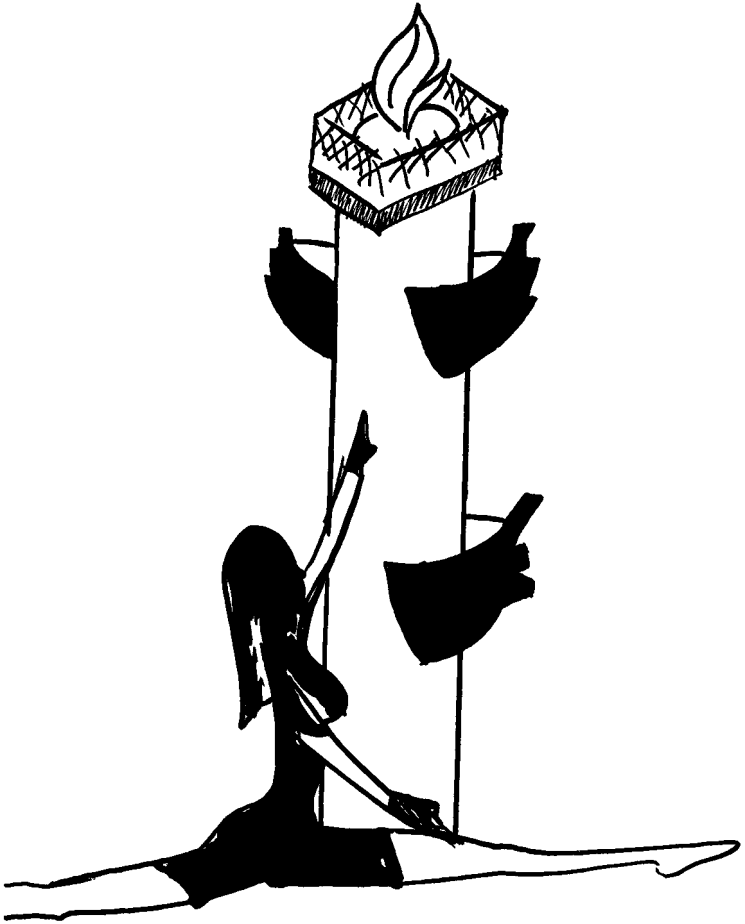

Посвящается моему отцу...

Часть 1

Взгляд мой упирался в телевизор, который стоял напротив. Я попробовал новости, не найдя в них ничего нового, переключил на море, шёл какой-то фильм, где парочка нежилась на пляже:

— Я люблю юг. На юге с женщинами всегда было проще: и шуб не надо дарить, и море рядом, — лежал он рядом с симпатичной женщиной, уперев локоть в песок и глядя на неё сквозь тёмные очки.

— Ага, скажи ещё и товар всегда лицом, — перевернула она пляж на другую сторону, подставив солнцу лицо.

— Ты далеко собрался? — остановила девушка его руку, которая двигалась от талии к её груди.

— Нет, до оргазма и обратно.

Интим в 11.00 показался мне слишком ранним, я лишил героев голоса и перевёл взгляд выше. Там висела картина современного художника, которую я купил как-то в галерее напротив, но не из-за большой страсти к искусству, просто хотелось скрыть неровность на стене. Как только я её повесил, стена действительно перестала нервничать, и мне работалось спокойнее, однако с её появлением в жизни стали происходить метаморфозы. Имени художника я не помнил, но зато врезалось название: «Инь и Янь. Голубиная почта» — исчерченное проводами небо и два голубка на одной из линий. Линии эти разбивали высь на разного цве-

та куски. Безусловно, речь шла о связи двоих, посредством Интернета или телефона. Небо было похоже на квилт, одеяло, сотканное из разных кусков, которым хотелось укрыться, в котором я был бы не прочь провалять это утро.

Работать не хотелось, я встал, потянулся, сделал несколько махов руками, но так и не взлетел. Подошёл к окну. Солнце было самым капризным из всех домашних животных. Сегодня оно опять нас не любило, сколько бы ни обожали его мы. Не выходило. На улице ветрено, влажно и противно. Осень — какая несправедливость: в то время как хочется зависеть от любимого человека, зависишь от погоды.

Максим снова прибавил звука фильму и сел в кресло. Кино не трогало, для лета в нём не хватало страсти, для отношений — капризов. Время от времени взгляд вместо ящика останавливался на картине. Он понял, что смотреть на неё ему приятнее, чем в экран, хотя может быть и менее информативно на первый взгляд, потому что на второй — было о чём подумать. Картины для того, чтобы вдохновлять. Ни телевизор, ни его картина не могли ни на что вдохновить. Да и на что может вдохновить искусственный глаз, который заморгал рекламой в очередной раз, разве что отсосать остатки времени и положительных эмоций, особенно если освещали события в мире, загоняющие тебя ещё дальше, в самую гущу осени.

Я переключил программу, передавали новости, и телевидение снова стало чёрно-белым. Переключился на полотно. Голубки ворковали.

Мне тоже захотелось повороковать. Я вызвал Катю.

— Кофе? — спросила Катя, вытеснив из пространства моего кабинета одиночество.

— Катя, вы могли бы выключить телевизор?

— Ну, вы совсем уже, Максим Соломонович, — возмутились хором белая кофточка, чёрный пиджак

и розовая юбка. «Почему юбка розовая?» — мелькнула у меня того же цвета мечта.

— Может быть, я тебя испытываю в роли покорной жены? — всё ещё рассматривал я её, окопавшись в кресле.

— Это ни в какие рамки не лезет, — всё ещё глядя на меня с недоумением, взяла она пульт со стола, и зрачок погас.

— Вот и я про картину. Вам нравится она, Катя? Я хотел сказать, есть ли разница, куда смотреть: в телевизор или на картину?

— Я вообще телек не смотрю. Ящик для стариков.

— Серьёзно? — почувствовал я себя отстающим от жизни. — Неужели я такой старый? — перезарядил я на плечах пиджак.

— Нет ещё, но постоянно туда смотрите.

— Могла бы приносить кофе чаще.

— Смотрите лучше на картину. — Катя знала, что если шеф переходил на «ты», значит, либо ему было не по себе, либо он сердился.

«Ну вот, что за скромность, могла бы сказать — смотрите лучше на меня, Максим. Я бы смотрел тогда, может быть, чаще, может быть, не только смотрел. Хотя это было бы неправильно: мужчина, если он действительно хочет женщину, оказывает внимание сам. Или я стал настолько ленив и скучен?»

— Её же тоже придётся время от времени выключать. Кстати, где от неё пульт?

— От кого?

— От картины.

Катя не поняла юмора, это было выше её чувств. «Как часто чувство юмора остаётся в тени других чувств в то время, как является источником кислорода для настроения. Чувство юмора — это тот самый спаситель, который не даёт чувству собственного достоинства завоевать весь твой внутренний мир», —

хотелось мне прочитать Кате мораль, но я сдержался. Пожалуй, единственное, что нас объединяло, — приступы скромности, когда слова спотыкаются, боясь выйти наружу, и застревают в горле. Compliments я делал редко, чтобы не смущать и не совращать. Она улыбнулась через силу:

— Может, кофе вам действительно приготовить, Максим Соломонович?

— А что, он ещё не готов? А с виду такой серьёзный напиток.

— Как всегда? — спросила Катя, на автомате, прекрасно зная, что если не было солнца, то его могли заменить три ложки сахара вместо обычных двух.

— Я бы очень хотел как никогда, «но только не с тобой, Катя», — добавил я уже про себя.

Скоро аромат кофе ласково тёрся о мою щёку.

В жизни каждого бывают периоды повествования, когда атмосфера затянута плотно прозой жизни, ни диалога вокруг. То есть людей много, а диалога нет, потому что каждый несёт своё, приносит свои слова: «Пусть у тебя полежат, у тебя же сейчас всё равно никого и свободно, я заберу потом при случае». А случай тебе не нужен. Тебе нужно другое, другая, другие, несколько реплик, предложений, писем... Постоянных, греющих, подбадривающих, твоих.

Я пребывал в этой менопаузе уже довольно давно. Проза, проза, проза, как чернозём. Картошку вырастить можно, но хочется возделывать виноградник. Однако тот капризен, ему нужны впадины, холмы, долины, если о теле, климат — если о душе, рельеф — если об уме.

* * *

Инь: Сегодня целый день витала потребность к тебе на колени, и прижаться к напильнику щетины. С самого утра мне просто необходима постель из твоих объятий

мясных, хочется нырнуть туда, убить поцелуями бледность своих губ и серость будней. Я знаю, что из зол отношений самое вредное: зависимость — быть, наркотик — вдвоём. Я посела безбожно, да что там колени. Я вывернута, и меня колотит грожь, небрежно рукою застеленная, когда ожиданием жмёт сама память. Моя карта памяти переполнена нашими поцелуями.

Янь: Вот видишь, они рвутся за рамки. Нормы, рамки — это то, что делает нас нормальными, но есть одно «но», если я буду нормальным, я тебе быстро наскучу.

Инь: Ты прав: с одной стороны, очень хочется безумия, с другой — комфорта.

Янь: А ты сейчас с какой?

Инь: У меня перерыв. Я пью чай. А потом на сторону.

Янь: Только не делай глупостей с кем попало. Я уже еду к тебе, любовь моя.

Инь: Ты ещё на работе?

Янь: Да.

Инь: Я гумала, ты уже выехал. Когда освободишься?

Янь: Думаю, скоро уже поеду. А что?

Инь: Будешь проезжать мимо — позвони. Может, поженимся.

Янь: Есть повод?

Инь: Да, у меня утка в духовке.

Янь: Смотри не пересоли. Чтобы не получилось как в прошлый раз.

Инь: А как было в прошлый раз?

Янь: Я целовал её губы и шею, пока она плакала, настолько чувствительная, что всякая ерунда готова была испортить её настроение. После слёз обычно был секс. Она это знала, и я знал, продолжая утешать, выежая поцелуями её кожу, не понимая, зачем так было солить.

Инь: Отлично! Особенно последняя фраза. В этот раз даже не надейся, дождя не будет.

Янь: Тогда зонт не беру! Ты моя кнопочка.

Инь: Ядерная?

Янь: Двухъядерная.

Инь: То-то чувствую: в последнее время у меня крыша едет. Я схожу с ума.

Янь: Подожди, я схожу с тобой.

* * *

Три ночи, и город всё тише жабрами, как уставшее огромное животное. Он кормится загулявшими парами Невского, ночная охота подходит к концу, дичи всё меньше в его железобетонных клыках кровотоцит пословица: не рождаются динозаврами — ими становятся. Зверь медленно засыпает. Его мощное тело смыло с дорог транспорт. Пар стало заметно меньше, всё больше одинокие путники с пивом в руках, вот и вся ночная романтика, на берегу Невы, мраморными губами зализан. Под светомузыку жёлтых светофоров, которые мерцали на перекрёстках своим безразличием к ПДД, я доехал до дома. Я бы тоже мог уснуть и стать доисторическим ископаемым, но мысли, чёрт бы их побрал, будто жажда ночной жизни, даже третьему глазу не даёт сомкнуться. Деградирую, это и есть эволюция, я чувствую в себе динозавра, как город в ночи, я тоже не досыпаю. Я заглушил двигатель, достал из сумки бутылочку пива, и луна качнулась мне одиноким светильником. Перед домом был сквер, разрезанный по диагонали асфальтом. Я нашёл точку зрения, через лобовое наблюдая, как по дорожке шла женщина. Женщина как женщина. Надо же было куда-то смотреть. Неожиданно две тени догнали её, выдрали сумку из дамского гардероба и рванули в мою сторону.

«Трус!» — отозвалась во мне тихо честь.

Женщина завизжала, в голове её пронеслись вслед за испугом наличные цифры, мысли о том, что надо будет сейчас звонить в банки и заблокировать карты, что

хорошо, что наличных было немного, что успела вчера оплатить квартплату и школу сыну. Я сделал глоток, будто это могло их остановить. Схватился за ручку двери, чтобы открыть дверь и броситься навстречу злу. Но потом остановился. Далась мне чужая сумка, с чужими средствами: бросать пиво и бросаться им наперерез не было никакого желания. Хорошо, что пиво успело охладить мой ум: во-первых, все живы, во-вторых, биться и гибнуть за чьи-то деньги не хотелось. «Трус!» — крикнула во мне тихо честь. Я просто посигналил преступникам в клаксон и поморгал фарами. Те испугались, бросили кусок кожи и скрылись. «Неплохо, это был тот редкий случай, когда свет победил тьму», — почувствовал я себя супергероем, выпрямился, допил пиво и закрыл от удовольствия глаза. Поцелуев не было, не было даже аплодисментов. Испуганная женщина подобрала своё и поспешила прочь. Я долго смотрел ей вслед, пока взволнованное тело не провалилось в темноту домов, квартир, где уже скоро она набирала номер своей подружки, взахлеб рассказывая о происшествии и проверяя содержимое сумочки, пересчитывая купюры и с радостью обнаружив кредитки среди скидочных карт: козыри остались на руках.

Надо было тоже идти домой, но не хотелось. Улица оказалась тем самым местом, где сейчас было свободно, спокойно и тепло. А дома, на цыпочках, надо будет искать парковку своей заднице и засыпать подворчание жены. Я ненавижу ходить на цыпочках в своём доме, где каждый шорох режет сознание, будто кусок штукатурки отваливается от твоего личного «я». И вот уже как скелет, неслышно восставший из могилы ночи, ты должен сделать все свои дела в потемках, чтобы залечь обратно. Она отвернётся от меня как обычно, я постараюсь обнять жену сзади и буду нести чушь. Я не любил, когда она не понимала меня, мне не хотелось объяснять ей, почему я так долго ехал к дому, это было